

- Здесь он, за занавесочкой...
Никитин на минуту замолк и, бросив на меня испытующий, с прищуром, взгляд, медленно отодвинул белоснежную холстину в углу кабинета. Кажется, время растворилось в пугающе-застывшей тишине, и что-то темное, почти бесформенное мерещилось в сгустившихся сумерках...

Никитин зажег лампу. Темное и бесформенное превратилось в старца - могучего, широкоплечего, с окладистой бородой и строгим, чуть нахмуренным взглядом из-под сдвинутых к переносице бровей. Он словно шел куда-то и вдруг, пораженный какой-то мыслью, остановился, оперся мощными руками и тяжелым подбородком на высокий суковатый посох. И замер. Задумался... Морщина проложила борозду вдоль высокого лба. Чуть склонилась в игре теней и света лысеющая голова...

Нет разделяющих нас веков, почти тысячелетия русской истории, пропастью развернувшейся между ним, опетым в былинах современниками и потомками, и нами - людьми XXI века. Хотя никто подобно киевскому князю Святославу не бросит нынче в лицо врагу: «Иду на вы...» И не каменная стрела меряет русские поля, а лазерный луч бороздит их из космоса, нащупывая цели. Подленько, исподтишка для негодных стран и народов готовятся бесконтактные войны, точечные удары... Но все явственнее доносится из глубины столетий: «Нет выше подвига, чем живот свой положить за други своя...»

- Как тебе Илья Муромец? - Никитин, мусоля сигаретку, явно волнуется.

Будь он просто скульптором - изваял бы портрет и отдал на расправу зрителям. Судя, мол, ряды каждый как бог на сердце положит. Но Сергей Алексеевич Никитин еще и судебный медик. Судмедэксперт. Впрочем, в медицинский поступил случайно - за компанию с товарищами, хотя со школы лепил, рисовал, мечтал о Суриковском. Скульптором он сделался позднее, когда в свободные от работы часы пропадал в мастерской Галины Лебединской, где и овладевал азами искусства. А Лебединская училась у академика Герасимова - знаменитого антрополога, воссоздавшего по костным останкам портрет Ивана Грозного и многих других памятных истории людей. Вот и Никитина потянуло в историю. Но поскольку всю жизнь он в судебно-экспертные, то навыки скульптора пришлось к стати. Восстановил облик убитых, потерпевших, приглашал родственников на опознание. И прятал авторское удовлетворение, когда пришедшие говорили: «Наш вон тот, справа». Но как воссоздать лик человека, жившего 800 - 900 лет назад? Где родственники? Очевидцы? Кто рассудит? А ведь историческая точность, достоверность - для него аксиома.

Когда-то, в середине 1980-х довелось ему первый раз окунуться в сумрак Ближних Антониевых пещер Киево-Печерской лавры, в настоящую ладаном тишину. Не представлял тогда, какие искушения, сомнения впереди...

С той поры годы неслись как вода с горки. Государство распалось. Заказанная отделом истории пещер Киево-Печерского музея скульптура преподобного Ильи Муромца так и осталась в пластилине, не дождалась бронзы.

- Рост у преподобного примерно 176-178 сантиметров. Не самый большой. - Никитин щелкнул зажигалкой, затанул. - Как у меня. - Но я, - добавил со смешком, - чуть-чуть пониже, и волосом в бороде поуже.

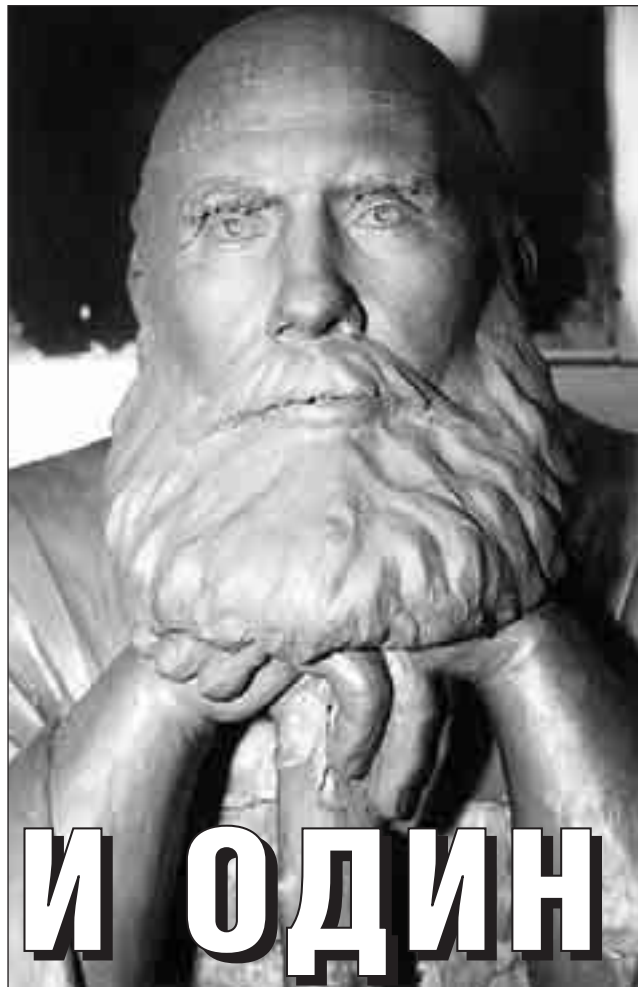
Если о других богатырях - Алеше Поповиче, Добрыне Никитиче сохранились хоть и краткие, но характерные упоминания в летописях, то об Илье Муромце русские летописцы молчат. Нет и жития Ильи Муромца. Известен лишь день его памяти - 19 декабря по старому стилю и 1 января по новому. Все биографические подробности исследователь вынужден черпать из былин-старин, где народная память причудливо переплела историческую канву событий с художественным вымыслом. Но и былины начали записывать лишь в XVIII веке.

За сто лет люди успели изобрести радио, проложить железные дороги, поднять в небо самолеты, а древняя былина звучала все так же, как и сто, и, наверное, двести, триста лет назад, сохраняя содержание и форму, «отлитые» в глубокой древности.

Много сказителей пело о богатыре, много было и споров о месте его рождения. В былинах он зовется то Муровец, то Муравленин, то Моровленин. Много схожих названий хранит земля Волынская, Черниговская, Брянская, Муромская. Всеволод Миллер, знаток русского эпоса, полагал, что Илья Муромец родился под Черниговом, недалеко от города Моровска (Моровийска) в селе Карачеве. Но большинство былин родины богатыря называют село Карачарово близ Муромца. Карачарово стоит и поныне на реке Оке в двух-трех километрах выше Муромца. Те же холмы, тот же пейзаж, та же речка, помятая в святом...
Церковь прославила Илью Муромца в чине преподобного, то есть лика духовного звания, монашеского. Но его монашеские подвиги скрыты от нас, тем более что в монастырь, в пещеры Киевские он удалился в самом конце своей жизни, свершив подвиги бранные. Но и на поле брани, и в опале, и в заточении не забывал он молитву. Да и как забыть? От рождения расслабленный, «сиднем сидел цело тридцать лет». Было время и помолиться, и смириться, набраться кротости и терпения.

И произошло чудо. Странники, калики перехожие просят отворить ворота. Да как отворишь без ног-то? Раз просят, другой. И... встает Илья. Отворяет. Принимает из рук странников «чару питица медвяного» и чует в себе «силушку великую». Еще раз пьет - и прибывает сила. И в третий раз принимается. И тут силушка ему вдвое поубавилась, чтобы не только мечом одолев врага, но и молитвой.

И говорит он отцу Ивану Тимофеевичу:
Я поеду в славный стольный Киев-град.

И ОДИН

В ПОЛЕ ВОИН

Тайна преподобного Ильи Муромца

Помолиться чудотворцам Киевским...

Постоять за веру христианскую.

...За Божьи церкви соборные,

За монастыри спасенные...

Понимает Илья, что силушка дана не для удали, не для бахвальства, что его черед пришел постоять за Землю Русскую.

«Скопил он страшные силы, - писал Константин Аксаков, - встал и понес их, но не на обиду и разоренье другим, не на праздное пролитие крови, но на защиту добра и на поражение зла, на мир и тишину».

Мир и тишину все время нарушает Дикое Поле. То печенеги нахлынут на Русь, то половцы, то грозные завоеватели из степей Монголии. Не ищет легких путей Илья. Где гроза неминуема - там и меч...

И выпадает ему служба на заставе крепкой, богатырской, у стен Киева. Много лет стоит он с дружиной в поле, бережет покой, тишину Русской земли. Но никто в Киеве и не вспоминает о нем. А появившись в городе, по навету бояр попадает в заточение. Мол, замыслил недоброе, затаил обиду. Сидит Муромец в погребу у князя Владимира, перелистывает огурубевшими от ратного труда руками листы Евангелия, готовится к смерти. Но снова всколыхнулось Поле, снова двинулись степники на Русь. И он все обиды забыл. Снова старый седебородый казак в седле, снова едет на белом коне навстречу врагу.

У Виктора Васнецова есть картина «И один в поле воин». Мчится богатырь к вражескому стану с копьем наперевес, с червленим щитом, осыпаемый градом стрел. Словно крылья у него за спиной, и никакая сила не властна остановить его полет...

Несметные полчища подступают к Киеву, но дружина богатырская стоит в шатрах, не шелохнется. Не плачет ей жалованье из княжеской казны. И первый удар принимает Илья Муромец на себя: не за князя же он воюет, и не богатства ради - «за вдов, за сирот, за малы детушек». В разгар сечи, когда изменяет рука и конь верный устал служить ратнику, совесть заговорила в русских богатырях - двинулись они к Илье Муромцу на помощь. И вершишь певцу, сказителю, вершишь художнику: так было. Очень все по-нашему, по-русски...

Много было еще битв, но была и последняя сеча, когда изнеможенный от ран Илья Муромец возвращается с поля битвы - не в княжеский дворец на победное пируванье, а в Печерский монастырь. Там он жертвует деньги на убитель, принимает иноческий постриг, в пещерах и умирает.

...Построил он церковь соборную,

Соборную да богомольную,

Да тут ведь Илия-то окаменел,

Да и поныне его мощи нетленны.

Московский священник Иоанн Лукьянов в своем «Путешествии в Святую Землю» (XVII в.) пишет: «Поидомом в Антониеву пещеру и ту... видеком храброго воина Илью Муромца в нетлении под покровом златым, ростом его нынешних крупных людей, рука у него легкая пробита копьем, язва вся знать, а правая рука избражена (изображает). - АА) крестное знамение».

- Раны у него на левой кисти и на груди. Разверсты, открытые, с разошедшимися краями. Никогда не видел ран на полностью сохранившемся теле, пролежав-

шем 8-9 веков, - Сергей Алексеевич Никитин обескураженно разводит руками. - Может быть, они расширились за счет усыхания кожи? Было искушение взять зонд и исследовать рану на груди: проникающая ли она, не задеты ли сердце, легкие? Но для этого ткани пришлось бы размачивать, тревожить преподобного. Судя по всему, какое-то время он болел. Повязочки ему какие-то накладывали. Попросил киевских коллег сделать рентген. На рентгенограмме головы меня интересовало состояние зубов: по ним можно определить возраст. Похоже, умер он не таким уж и старым, как поется в былинах, лет в 50-60. Засомневался я. История у Киево-Печерского монастыря сложная. Завоеватели не раз тут побывали, монголы и прочие. Мощи святых переносили с места на место, укрывали как могли от вражьего глаза. Но по совокупности косвенных доказательств убедился: ничего не

перепутано. Мощи подлинные. А доказательства простыми оказались. Рядом почивают мощи Нестора-летописца. Из Киево-Печерского патерика известно, что умер он в глубокой старости. Обследовал останки - точно, возраст их очень почтенный. Рядом покоится безмездный врач Агапит. В житии его сказано, что сам он был очень болезненным. Осматривая я его. Обнаружил и сращение поясничных позвонков, и кальцинированную бляшку в канале левой сонной артерии. Отдал на гистологическое исследование. Поставили диагноз - атеросклероз...

Перевелись на Русь богатыри. Мы, как евангельский Фома, все пытаемся вложить персты в раны: не увижу - не поверю... В 1861 году великий русский критик Владимир Стасов, занимавшийся исследованием старинных гравюр, обнаружил на одной из них - XVII века - древний образ преподобного Ильи. Находясь он опубликовал в «Известиях Императорского Археологического общества» в 1861 году. Гравюру датируют серединой XVII века и напечатали ее, видимо, в Киево-Печерской лавре. Изобразитель (художник) под иконой поместил надпись, в которой упомянул и время жития святого - XII век.

Кто же этот изобразитель и первый исследователь деяний преподобного? Только один человек из числа Киево-Печерской братии в середине XVII века с равным успехом держал в руке и кисть, и перо - соборный монах Афанасий Кальнофойский. До нас дошли его гравюры, рисунки лавры. Им же в 1638 году впервые был составлен план лаврских пещер и тогда же написана и напечатана «Тератургимма» - сочинение на польском языке о чудесах, бывших в Печерском монастыре и пещерах, его истории, с надписями, списанными с надгробий, и духовными размышлениями. То, что книга написана на польском языке, неудивительно - язык обиходный тогда в Киеве, понятный книголюбам. Не стоит забывать, что и Украина тогдашняя - не часть Руси, а провинция Речи Посполитой, а еще ранее - провинция Великого княжества Литовского...

Западный путешественник Лассото, посетивший Киев в XVI веке, в своем описании Святой Софии замечает, что «там была гробница Ильи Муромца, о котором рассказывают много басен. Гробница его ныне разрушена». Возможно, что преподобный Илья, увенчанный при жизни славою любимого героя и победителя супостатов, после кончины был погребен не в монастыре, а в Софийском храме, и лишь позднее мощи его перенесли в Антониеву пещеру.

Как бы то ни было, но в 1643 году, при архимандрите Киево-Печерской обители Петре Могиле все старцы, погребенные в пещерах, признаны святыми. Префект Киевской академии Сильвестр Коссов издает на польском Печерский Патерик, начинается восстановление святых... Но лишь во времена Российской империи в середине XVIII столетия Святая София возродилась в былом великолепии, предстала в том каменном наряде, в котором красуется и сегодня, в былом великолепии облеклась и Киево-Печерская лавра. А знаменитые Золотые ворота киевские, под сводами которых стрелой летели богатырские кони, сверкал шлемом Илья Муромца, по-прежнему лежали в руинах, молчаливо напоминая о батыевом нашествии до начала 1980-х го-

дов, когда к полуторатысячелетнему юбилею Киева нахлыли силы и средства возродить памятник воинской славы Руси. Восемь веков минуло, а мы еще залечиваем раны ордынского разорения! А сколько было таких ран, сколько разорений!..

Как и современникам нашим, так и людям XVII века киевский богатырский век, век равноапостольного князя Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха представлялся поистине золотым.

Память народная слила воедино Святого Владимира и Владимира Мономаха, не столько по сходству имен, сколько по сходству деяний - объединителей Руси, просветителей, истинно христианских правителей. Точно так же с их именами слиты и имена богатырей киевских. Афанасий Кальнофойский полагал, что преподобный Илья Муромец жил за 450 лет до его времени, около 1188 года. Но, быть может, и ранее, во времена Владимира Мономаха. Более точных датировок у нас нет. И 1188-й признается церковью годом кончины преподобного, 600-летие которой отмечалось в 1988-м.

В XIII веке имя Ильи Муромца известно уже далеко за пределами Руси. Его знает немецкая сага об Орните и норвежская Тидрек-сага, - здесь он называется Ilias von Riuzep и другими сходными именами и изображается как дядя князя Владимира.

Но ни князем, ни боярином, ни купеческим сыном никогда он не был. Мужик-чернопахотник, воин, монах - таким он запечатлелся в памяти народной. Но и воин он был не самым могучим на Руси. Тот же Добрыня Никитич одолевал его в поединке, сильнее оказывался и оратай Микула Селянинович и испытанный воин Вольга Всеславич... Превосходили они Илью телесной силой, но не духовной.

Богатырство духа одолевало силу. Мудрость, кротость, незлопамятность, прямотуши. «По вере вашей и дастся вам». Тридцать лет пребывал в расслаблении, не было, казалось, никаких надежд, но поверил... и встал на ноги, поднял тяжелый меч, оседлал коня, и враги как трава перед ним стелятся...

Богатырство духа... Где оно? В палатах ли княжеских, в Ясной ли Поляне, куда пешком, отмахав почти шестьсот верст, пришел из далекого Кижского погоста, славного своими церквями, знаменитый сказитель В.П. Щеголенков (Щеголенок), чтобы пропеть о древних богатырских подвигах яснополянскому богатырю. Не бывал Щеголенок в пещерах Киевских, не читал патериков, пел свои былины - старины, как бился Илья Муромец с погаными, как ушел умирать в пещеры Печерские, как превратился там в святые мощи. Окаменел. Пел, как запомнил от дедов-прадедов. Слушал яснополянский богатырь, расспрашивал... И появились потом знаменитые толстовские рассказы «Чем люди живы». Духом, верой, надеждой. Чем еще? Шестьсот верст пройти - былины пропеть. Это ли не сила духа, богатырство?..

- Ведь по былинам - и впрямь окаменел Илья. Не хотелось поворачивать его, тревожить. Там, в пещерах, - вспоминает Никитин, - наложил я на лик святого масочку из гипса. Сначала прикрыл лицо тонкой фольгой промял ее аккуратно ваткой, чтобы гипс, не дай бог, на кожу не затек. И снял форму, портрет...

С ним и с рентгенограммами и приехал к себе в Москву, в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Изготовил два лекала - анфас и в профиль - по рентгенограмме черепа. Положил рядом масочку и стал лепить портрет преподобного...

Скульптуры Нестора-летописца, Агапита, Варлаамигумена уже были закончены, уже выставлены перед посетителями музея в Киево-Печерской лавре. А вот Муромца отлить хотя бы из гипса не успел. Разорвались связующие нити общего дела...

- А может, время не пришло? Перед объединением Руси в начале XVII века преподобного не даром в святыню внесли, а сегодня в его честь храмы в военных гарнизонах строят. Покровитель воинства. Может, опять Русь соберется? Как ты думаешь? - Сергей Алексеевич смотрит на меня вопросительно.

Я молчу.

Никитин задумчиво раскладывает на столе атласы, схемы, как полководец перед битвой. Что-то мерещится ему? Может, городок на окраине России, ставший горячей точкой, куда его вызвали: требовался судебно-эксперт... Морг там - 12 квадратных метров. Убитых - своих и чужих он замораживал и ставил стойкую - в затылок друг другу. Там впервые врезалось в память, в сознание, в нервы: «Война...»

- Это для нас с тобой 8-9 веков - история. А взглянешь на карту - и время вдруг исчезает. Смотри, вот Поднепровье, степи... Видишь - река Смородинная. А рядом село...

- Десятидубье!

- Точно. Помнишь, Соловей-разбойник на девяти дубах сидел? Вот Соловей перевоз, дорога прямоезжая. У Чехова в «Степи» место есть, я специально закладочку сделал...

Никитин раскрыл потрепанный томик.

- «Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Не понятно и странно. Можно в самом деле подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие люди вроде Ильи Муромца и Соловей-разбойника и что еще не вымерли богатырские кони...»

- Никитин! Сергей Алексеевич! - пробасил из коридора голос. - Первый час ночи, закрываемся...

- Иду-у-у...

У крыльца судебно-экспертной железной цепью прикован никитинский «конь» - велосипед. Он на нем и в жару, и в стужу.

Я кутаюсь в куртку, басовитый охранник ежится от холода, Никитин седлает «коня». Прощаемся. Минутадругая - и никитинская седая борода исчезает в проулке.

- Обрадованный он сегодня какой-то, - замечает охранник. - Как на крыльях полетел, головушка бесшабашная!..

Александр АСТАФЬЕВ